

Когда Фан Сынун снова почувствовал свое тело и открыл глаза, он не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он потерял сознание. Быть может, пролетела секунда, а быть может — целые годы. Это жуткое ощущение, когда время просто исчезает, пугало сильнее всего.

Первым, что он увидел, была темно-красная, клубящаяся мгла. Лишь спустя мгновение пришло осознание: это небо. Таких красок на Земле не существовало — разве что в фильмах об апокалипсисе. Трудно было даже вообразить, какими ядовитыми газами должна насытиться атмосфера, чтобы сотворить подобное зрелище.

Следом его взгляд наткнулся на возвышающееся неподалеку... дерево?

Исполинское «растение» выросло примерно в двухстах метрах от него. Идеально прямой металлический «ствол» испускал слабое мерцание — явное детище нанотехнологий или чего-то еще более передового. Изгибы ветвей повторяли друг друга с геометрической точностью, а прозрачные листья едва заметно колыхались вопреки полному безветрию.

Искусственное происхождение этого древа не вызывало сомнений, и все же оно казалось живым, будто умело дышать. Сынуну почудилось, что крону окутывает едва заметная голубоватая дымка — защитная пелена, отсекающая царящую под багровыми небесами отраву. Словно посреди удушливого хаоса это древо силой отвоевало крошечный островок, дарующий человеку передышку.

Подобных колоссов на равнине выросло немало. Окинув взглядом пустошь, Сынун насчитал не меньше двух-трех десятков: они стояли поодаль друг от друга, но в их расположении угадывалась строгая система. Зрелище ошеломляло, однако удивление быстро сошло на нет. Взяв себя в руки, он принялся озираться в поисках Юй Цюся.

В мире «Франкенштейна» они провалились вчетвером и очнулись почти на одном месте. Наверняка и этот раз не должен стать исключением? Но сколько Сынун ни всматривался в безжизненные просторы, Юй Цюся нигде не было. В груди шевельнулась тревога.

Это гнетущее чувство родилось еще при первом взгляде на багровое небо и мертвые деревья — первобытный страх перед миром, не подчиняющимся земным законам. Будто тебя бросили в одиночестве посреди чуждого космоса.

Сынун попытался пошевелить затекшими конечностями и ощутил странную легкость. Посмотрев на себя, он обнаружил, что одет в белый облегающий комбинезон, точь-в-точь как у персонажей фантастических фильмов. Ткань неизвестного происхождения сидела как влитая, повторяя каждый изгиб тела, но при этом совершенно не ощущалась на коже, словно он был голым.

Если уж их переодели, то не изменилась ли и внешность?

"Неужели и лицо теперь чужое?" — Сынун торопливо коснулся щек.

Черты лица казались знакомыми. Судя по всему, телесную оболочку ему оставили прежней.

Качнув головой, чтобы прогнать наваждение, он заставил себя сосредоточиться и заметил под ногами крошечные сигнальные огни, вмонтированные прямо в грунт. Выстроившись длинными светящимися цепочками, они пульсировали в такт мерцанию исполинских деревьев, создавая иллюзию общего дыхания. Две такие параллельные дорожки образовывали тропу, которая вела к подножию ближайшего колосса, а другим концом терялась вдаль.

Сынун вспомнил слова Юй Цюся о том, что точка сбора в подобных мирах всегда привязана к какому-то приметному ориентиру. В этих бесприютных землях ничто не бросалось в глаза так, как эти титанические деревья.

Он зашагал по тропе к ближайшему исполину. Светящаяся дорожка привела его к самому основанию ствола, очерчивая вокруг корней ровный круг.

Там, внизу, кто-то был.

Сперва фигура показалась человеческой, но приглядевшись, Сынун обомлел. Существо венчала плоская поперечная голова, точь-в-точь как у акулы-молота, а плечи свисали под немыслимым для человеческой анатомии углом. Этот монстр выглядел куда омерзительнее и страшнее чудовищ из прошлого театрального мира.

У Сынуна перехватило дыхание, кровь зашумела в ушах, мгновенно лишив конечности чувствительности. Бежать бы, но ноги словно вросли в землю. Он мог лишь заворуженно наблюдать за действиями твари.

Извлеченный откуда-то прибор напоминал исполинский шприц размером с добрый автомат. Существо с силой вонзило иглу в основание ствола. Только теперь Сынун разглядел у «корней» многочисленные металлические порты. Сомнений не осталось: перед ним чудо техники, а не дитя природы.

Вдруг тварь бессильно опустилась на колени. Спустя мгновение она запрокинула уродливую голову и глухо завывала. Звук был ни на что не похож — скорее помехи сломанного прибора, нежели голос живого существа. Однако в этом механическом скрежете отчетливо угадывались ноты жажды и какого-то извращенного, томного экстаза. То ли у монстра были странные наклонности, то ли у самого Сынуна разыгралось воображение.

Этот похотливый хрип подействовал на Сынуна как удар током. Оцепенение спало. Вернув власть над собственным телом, он круто развернулся и бросился бежать.

Нет, точка сбора не может быть возле этих деревьев. Слишком жутко. Он просто не заставит себя подойти к ним.

На бегу Сынун пытался упорядочить в голове расположение стальных исполинов, выстраивая мысленную карту. Если от каждого ствола тянется такая светящаяся дорожка... возможно, все они сходятся в едином центре? И именно там их ждет цель.

Он угадал.

Постепенно уклон пошел вниз. Когда в низине показалось круглое здание, к которому стягивались десятки неоновых нитей, Сынун понял, что движется в верном направлении. Впрочем, радоваться мешала странность: по всем законам физики этот купол должен был просматриваться еще с высоты склона, где он очнулся. Но тогда взору представала лишь голая равнина со стальными стволами.

Очередной пространственный фокус этого безумного мира? Раздумывая над этим, он приблизился к постройке.

После обшарпанной многоэтажки из прошлого мира это место казалось глубоким будущим. Сооружение напоминало гладкую полусферу, припавшую к земле. Ни окон, ни пожарных выходов — чистая научная фантастика. Судя по всему, внутрь вел единственный проход, к которому стягивались все светящиеся линии. С высоты птичьего полета картина, должно быть, выглядела причудливо: огромное яйцо, опутавшее округу тонкими шелковыми нитями, каждая из которых крепилась к своему стальному колоссу.

Двигаясь вдоль светящейся разметки, Сынун действительно наткнулся на проем в стене.

У входа стоял Юй Цюся.

Белоснежный футуристический костюм облегал его фигуру, подчеркивая безупречный силуэт. Никто лучше Сынуна не знал, насколько наплевать Юй Цюся относился к собственному здоровью: вечно путал день с ночью, регулярно напивался до беспамятства, а спорт презирал всей душой. Но судьба на редкость несправедлива: как бы нещадно Юй Цюся ни истязал себя, его тело упрямо хранило непостижимую, почти порочную красоту. Ни единой лишней линии, совершенная стать, хрупкое изящество.

Он стоял, прислонившись к белой стене, и этот силуэт казался идеальной мизансценой. Сынун мгновенно, на уровне профессионального инстинкта, прикинул, какое фокусное расстояние, глубину резкости и экспозицию выбрал бы, чтобы запечатлеть этот кадр. Жаль, что из всей техники у него остались только собственные глаза.

Заметив его, Юй Цюся отделился от белого купола и выпрямился. Его взгляд без обиняков скользнул по Сынуну.

Тот ускорил шаг и остановился напротив.

Юй Цюся чуть склонил голову набок, разглядывая его, и негромко спросил:

— Настолько испугался?

Сынун опешил:

— Что?

Ответа не последовало, но секунду спустя Сынун догадался, что выглядит сейчас, должно быть, краше в гроб кладут.

Он поспешил перевести разговор:

— Почему мы очнулись порознь?

— Всякое бывает, — небрежно отозвался Юй Цюся. — Теоретически мы могли бы вселиться в тела смертников и прийти в себя уже на эшафоте, с петлей на шее.

Сынун нахмурился:

— Не говори так.

Видеть его замешательство всегда доставляло Юй Цюся искреннее удовольствие. Он негромко хмыкнул, но стоило Сынуну с досадой начать:

— Да кого мы вообще жд...

— как Юй Цюся вдруг рванул его на себя. Заставив прижаться вплотную, он мягко развернул Сынуна, увлекая за собой и заслоня спиной от прохода.

От этой внезапной встряски в голове режиссера пронеслась добрая сотня киноштампов, где главный герой выхватывает героиню из-под колес автомобиля. Издержки профессии — от подобных ассоциаций никуда не деться. На экране подобные сцены казались глупыми и надуманными, но в реальности, стоило Сынуну уткнуться лицом в грудь Юй Цюся, как его пульс подскочил до ста восьмидесяти ударов.

Покосившись из-за чужого плеча, он замер.

Мимо них ровным строем маршировали те самые молотоголовые твари. Вблизи они казались исполинами — никак не меньше трех метров ростом. Все столь же омерзительные и жуткие, они двигались слаженно, глядя строго перед собой, и беззвучно исчезали в недрах купола.

Вереница чудовищ тянулась нескончаемо. На таком расстоянии ужас сковывал тело еще сильнее. Ни Сынун, ни Юй Цюся не шевелились, прижавшись к стене и безмолвно провожая взглядом зловещую процессию.

Впрочем, рассматривал их разве что Юй Цюся — Сынун быстро сдался и вновь уткнулся лицом в изгиб его шеи. А затем осторожно, едва заметно вдохнул.

Его и прежде окутывал знакомый до боли запах — привычный аромат Юй Цюся, к которому примешивалась едва уловимая прохлада «Священной обители», — но этот глубокий вдох едва не заставил его расплакаться.

Первобытный страх потеряться в чужом мире отступил, стоило лишь увидеть Юй Цюся. Но теперь, греясь в тепле его шеи, Сынун вдруг почувствовал, как к горлу подкатывает удушливая, детская обида. Ему до безумия хотелось признаться, как сильно он струсил там, на равнине.

Многие страдали клаустрофобией, но у Сынуна, похоже, было прямо противоположное расстройство — боязнь открытых пространств. Он не знал, существует ли такой официальный диагноз, и уж точно никогда не обследовался.

Среди этой бескрайней, равнодушной пустоты его охватывала паническая дрожь. Мир казался невыносимо огромным, а сам он — сорвавшимся с нитки воздушным шариком, который бесследно сгинет в небесах, и никто этого даже не заметит. Пока он бежал к куполу, дыхание уже начало сбиваться на частые судорожные выдохи. Не окажись Юй Цюся рядом, неизвестно, чем бы все закончилось.

Но разве можно было признаться? Стал бы Юй Цюся слушать?

Минутная слабость угасла, вернулся холодный рассудок. Нельзя. Подобными вещами делятся на пике безумной влюбленности. Даже за два года до разрыва они уже не могли позволить себе такой откровенности, что уж говорить о настоящем.

Сделав над собой усилие, Сынун заставил себя отстраниться.

Только теперь он заметил, что вереница существ окончательно скрылась в проходе.

Стоило Сынуну сделать шаг назад, как рука Юй Цюся, лежавшая на его пояснице, соскользнула вниз. На мгновение их взгляды встретились. Сынуну показалось, что в чужих глазах промелькнуло нечто похожее на нерешительность, но Юй Цюся тут же отвернулся.

— Наконец-то доковылял, — донесся его голос. — Не совсем, значит, глупый.

Сынун проследил за его взглядом и увидел Пу Тяньбая, который во весь дух мчался к ним,

отчаянно размахивая руками. Следом спешил Хуа Тяньсяо, а позади них маячил кто-то еще.

<http://bllate.org/book/20607/2192969>